

УДК 82.09

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.045

**РАМА ТЕКСТА КАК СПОСОБ ПОДКЛЮЧЕНИЯ
К ТРАДИЦИИ В ЛИРИЧЕСКИХ СБОРНИКАХ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА «STEPHANOS» И «ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ»**

А. В. Ламзина

Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет), г. Долгопрудный

Статья посвящена рамочному тексту сборников стихотворений В.Я. Брюсова «Stephanos» и «Зеркало теней». Посвящения, заголовки стихотворений и циклов, эпитафии и авторские примечания к тексту формируют единую систему отсылки к традиции, принципиально важную для автора сборника. Рамочные элементы позволяют вписать произведения в более широкий контекст отечественной и мировой классики и становятся указанием на «точки отсчета» русского символизма.

Ключевые слова: рама текста, Валерий Брюсов, эпитафия, заглавие, посвящение, примечание.

Валерий Брюсов, будучи одним из основоположников русского символизма, осознавал его связь с традицией отечественной и мировой литературы. Как отмечает Д.Е. Максимов, мировоззрение поэта сформировали такие авторы, как Пушкин и Лермонтов, Фет и Тютчев, Бодлер и Верлен: «Тяготение Брюсова к Пушкину и Лермонтову было более глубоким и постоянным, но и они не сыграли решающей роли в оформлении его раннего поэтического мировоззрения. <...> Из русских лириков старших поколений существенное значение для Брюсова приобрели Фет и Тютчев, а из западных классических авторов – Гейне. <...> В годы становления и самоопределения поэзии Брюсова наиболее явное воздействие на него оказало поэтическое творчество французских символистов Бодлера, Верлена, Малларме, Рембо» [9, с. 9]. Брюсов не только опирался на традиции символизма, но и ощущал свою миссию по организации, объединению символистов. Для этого было необходимо выстраивать взаимоотношения с современниками, обращаться к предшественникам и соединять смысловые векторы символизма в одной точке.

Одним из средств передачи этой связи с традицией для В.Я. Брюсова становится рама текста. К раме (рамочному комплексу) относятся заголовки, подзаголовки, авторские комментарии, предисловия и послесловия, примечания, различные пометы, посвящения и эпитафии. Разные авторы по-разному выстраивают рамочный текст – так, в начале

© Ламзина А. В., 2022

XX столетия рама обозначала поэтические установки автора, его предпочтения в литературе и культуре и зачастую являлась скрытым инструментом полемики с представителями других литературных течений (см. [7]). Наиболее очевидным способом установления связи с великими поэтами, мифологией и народным эпосом становится использование эпитафия из определенного текста. Ярче всего это проявляет себя в сборниках “Stephanos” 1906 года и «Зеркало теней» 1912 года.

В сборнике “Stephanos”, в первом издании 1906 года, Брюсов 14 раз предваряет стихотворения и циклы стихотворений эпитафиями, причем на первом месте среди источников – творчество Ф. И. Тютчева (четыре эпитафии). Брюсов использует в качестве источника эпитафий свой более ранний сборник “Tertia Vigilia”, по одному разу в раме сборника представлены отсылки к произведениям Верлена, Бодлера, Лермонтова, Пушкина, Вяч. Иванова, Ивана Коневского. Также присутствует одна цитата из ассирийского эпоса, и одна – из Откровения Иоанна Богослова.

Рамочный текст «Зеркала теней» в первом издании 1912 года включает в себя пять эпитафий из Тютчева, четыре – из Фета, три – из Пушкина, по два – из Бальмонта, Баратынского и Лермонтова. По одному разу представлены отсылки к Томасу де Куинси, Бодлеру, собственному сборнику “Stephanos”, Катуллу, Я. Полонскому, К. Случевскому, П. Вяземскому, В. Жуковскому, К. Павловой и единожды представлено крылатое выражение на итальянском языке *l'amor condusse noi ad una* («любовь ведет нас к одной <смерти>»).

Авторы, к которым Брюсов обращается к эпитафиям, несомненно, значимы в контексте традиции символизма. Наиболее замечательным в творчестве Тютчева (эпитафии из произведений которого удерживают абсолютное первенство по частоте в двух анализируемых сборниках), по словам самого В.Я. Брюсова, является «то сокровенное содержание его поэзии, которое вложено им в стихи «бессознательно», т.е. в силу тайной творческой интуиции. Это, так сказать, те подземные ключи, которыми питается его поэзия, который ей дают ее несокрушимую силу и ее несравненную красоту» [2, с. 3]. Вровень с Тютчевым Брюсов ставит только Пушкина и Фета: «Рядом с Пушкиным, создателем у нас истинно классической поэзии, Тютчев стоит как великий мастер и родоначальник поэзии намеков. У Тютчева не было настоящих преемников, можно назвать лишь одного Фета, который, впрочем, развился без его непосредственного влияния. Только в конце XIX века нашлись у Тютчева истинные последователи, которые восприняли его заветы и попытались приблизиться к совершенству им созданных образцов» [Там же, с. 17]. Сущностью твор-

чества Фета, по Брюсову, также являются трансцендентальные прозрения: «Экстаз, интуиция, вдохновение дают «странное прозрение», увлекают за рубеж «вседневного удела», освобождают от последних оков, от которых не властен освободить никакой другой владыка: от «рабства природе», от «железной судьбы», от условий нашего обычного познания и бытия» [Там же, с. 21].

Анализ творчества Тютчева и Фета опубликован в вышедшей практически синхронно с «Зеркалом теней» книге статей «Далекие и близкие»: в 1912 году В. Я. Брюсов обращается к анализу их творчества, включая в этот сборник также статьи о К. Бальмонте, К. Случевском и И. Коневском. Книга «Далекие и близкие» связывает авторов эпитафий, к которым Брюсов обращается в “Stephanos” и в «Зеркале теней» в едином контексте, и контекст этот эксплицитно связывается с символизмом в его истории развертывания.

Вячеслав Иванов, которому посвящен “Stephanos”, называл Тютчева первым русским символистом: «Оценка русского символизма немало зависит от правильности представления о международной общности этого литературного явления и о существовании западного влияния на тех новейших наших поэтов, которые начали свою деятельность присягою в верности раздавшемуся на Западе многознаменательному, но и много-смысленному кличу. ... напомним родные имена Владимира Соловьева и певца «Вечерних огней», которым предшествует в преемстве символического предания нашей поэзии, по умоначертанию и художественному методу, Тютчев, подлинный родоначальник нашего истинного символизма» [6, с. 132]. Н. К. Гудзий указывает на влияние творчества Тютчева на стихотворения Фета и Полонского [4, с. 468], Брюсов прибавляет к именам Тютчева, Фета, Полонского и Случевского также имя мало известного Ивана Коневского – трагически погибшего в 23 года поэта, которого Брюсов, фактически, открыл для массового читателя, отредактировав и издав в 1904 году сборник его стихотворений и прозы. Таким же «открытием» Брюсова стала и малоизвестная поэтесса Каролина Павлова, чье творчество неоднозначно оценивалось современниками, но было высоко оценено В. Я. Брюсовым: «О стихах Павловой вспомнили в XX веке. Символистам нужны были поэты, которых они смогли бы назвать предшественниками. Валерий Брюсов решил, что на роль предшественницы подходит Павлова. Двухтомник Каролины, выпущенный Брюсовым, начинается обширной вступительной статьей, в которой поэт констатирует: «Каролина Павлова принадлежит к числу наших замечательнейших поэтов, – нужно ли это доказывать после восторженной оценки ее поэзии в отзывах Баратынского, Хомякова, Языкова, гр. А. Толстого, К. Аксакова, И. Киреевского, Шевырева, М. Каткова, К. Бальмонта и многих других??» [10].

Обращаясь в эпиграфах к творчеству западных символистов, Бодлера и Верлена, Брюсов гораздо чаще отсылает к творчеству русских предсимволистов, указывая тем самым на развитие российского символизма параллельно с французским и даже раньше его. В соответствии с принятой в начале XX века практикой цитирования (см., например, для сравнения вышедший в 1910 г. в том же издательстве «Скорпион» сборник «Жемчуга» Николая Гумилева [5]), Брюсов подписывает эпиграф не названием стихотворения, откуда взята строчка, а только фамилией автора (иногда с инициалом, иногда нет): важен не широкий контекст, а сама отсылка, референс. Необходимо обозначить связь с творчеством Тютчева, Фета и пр., и не так принципиально, из какого точно стихотворения идет цитата. Знатоки и сам об этом осведомлены, а неискушенному читателю вполне достаточно одной фамилии.

Интересно, что в качестве эпиграфов присутствуют также отсылки к его более ранним сборникам – в “Stephanos” дважды цитируется “Tertia Vigilia”, а в «Зеркале теней», соответственно – уже “Stephanos”. Используя эпиграфы из собственных книг, Брюсов подписывает строки не названием стихотворений, и не своей фамилией, а названием сборника. Любопытно, что в рамочный текст книг, издаваемых в «Скорпионе», всегда включены списки более ранних книг издательства, которые также могли бы заинтересовать читателя. В “Stephanos” перед началом непосредственно текста сборника указано, что у того же автора уже опубликован сборник “Tertia Vigilia”, а в «Зеркале теней» – что у того же автора уже опубликован “Stephanos”. Брюсов, безусловно, был осведомлен о такой манере издания и понимал, что читатель с помощью этих анонсов легко установит, кто является автором строчек эпиграфа, даже если ранее этого не знал. Тем самым Брюсов «присоединяет» себя к традиции символизма, как бы имплицитно подчеркивая свое единство с Верленом, Бодлером, Тютчевым, Фетом и пр.

Важность эпиграфа как факта отсылки к творчеству определенного писателя подтверждается также взаимоотношением эпиграфа с предшествующим ему заголовком и последующим текстом стихотворения. В ряде случаев заголовок является прямой цитатой из эпиграфа: так, название раздела «Правда вечная кумиров» в “Stephanos” представляет собой цитату из использованной в качестве эпиграфа строки И. Коневского: «Познал ты правду вечную кумиров». Раздел посвящен образам из классической античной и христианской мифологии: в него включены стихотворения о Деметре, Адаме и Еве, Орфее и Эвридике, Медее, Тезее и Ариадне, Ахиллесе, Бальдере и Локи, Орфее и аргонавтах, олимпийцах. Часть этих произведений – скрытая полемика с А. Белым (так, Н. А. Ларина отмечает: «В мемуарах и письмах подробно описывается «обмен тостами» – «За тьму!» Брюсова в ответ на «Пью за свет!» Бело-

го; и продолжающийся обмен стихотворными посланиями, где оба героя наделены уже новыми именами, взятыми из скандинавской мифологии: Бальдер – Андрей Белый и Локи – Брюсов. Бальдер – сын бога Одина, светлый и прекрасный, Локи – хитрый и коварный бог тьмы, зла. Стихотворное послание Брюсова сложено в форме стрелы, стихотворное послание Белого – на листе, где начерчен крест и написано несколько цитат из Евангелия и т. д. Наконец, дело доходит до вызова на дуэль» [8, с. 252]). «Аргонавты» – это также не только герои мифа о золотом руне, но и члены кружка символистов, лидером которого был А. Белый. При этом публикация полемически направленных стихотворений не сопровождается никакими посвящениями их адресатам: Брюсов утверждает свое видение символизма путем включения своих произведений в широкий контекст русского и мирового символизма, а мифологические герои (прототипами которых в литературной игре становились реальные люди) вписаны в один ряд с Адамом и Евой, Ахиллесом, Орфеем и Эвридикой и другими широко известными персонажами. Стихотворения получают двойную репрезентацию: в контексте «литературной дуэли» для посвященных и в контексте мировой мифологии и культуры для непосвященных. Этому способствуют и авторские примечания: к стихотворениям из раздела «Правда вечная кумиров» Брюсов дает подробный комментарий, своими словами рассказывая миф об Орфее и Эвридике, о Медее, Тезее и Ариадне, Бальдере и Локи, и об Орфее и аргонавтах. Ни намек на подоплеку этих стихотворений в жизни поэта в изложении мифа нет: например, примечание к стихотворению «Орфей и аргонавты» гласит «Целью плавания героев на корабле Арго было золотое руно, издавна похищенное у минийцев. Язон был предводителем всего похода, Тифис кормщиком, Линкей славился зоркостью, Геракл силой. Нелей – отец Нестора, Менотий – отец Патрокла. Симлпегады – вечно движущиеся скалы, которые раздавливали корабли, проходящие между ними» [1, с. 127]. Примечание не только поясняет реалии, но и утверждает некую окончательную версию мифа, который, как многие сказания, присутствует в мифологии в совокупности различных версий и прочтений. Подробными примечаниями с пояснениями мифологии в “Stephanos” снабжен только указанный раздел, к остальным частям книги авторские примечания включены всего трижды, и они представляют собой пояснение реалий создания стихотворения – год и контекст написания. Таким образом, в подробном изложении мифа в рамочном тексте (в котором просвещенный читатель вряд ли нуждался, так как использованные образы достаточно широко известны) Брюсов продолжает линию имплицитной полемики с другими представителями символизма и в то же время отсылает к житнетворчеству в искусстве, чрезвычайно важному для символизма и символистов. Примечания также использу-

ются как «замыкающая рама» – тем самым обозначается законченность сборника, его завершенность в соответствии с авторской интенцией – в «Зеркале теней» также присутствуют авторские примечания, при этом значительно более лаконичные, чем в “Stephanos”.

В «Зеркале теней» названия стихотворений и разделов также заимствуются из эпитафий: так, первый раздел книги назван «На груди земной» – цитата из четверостишия А. А. Фета «Покуда на груди земной / Хотя с трудом дышать я буду / Весь трепет жизни молодой / Мне будет внятн отовсюду» [3, с. 1]. То же – заглавие «Объятия снов» с эпитафией из Тютчева «Земная жизнь кругом объята снами» [Там же, с. 11].

В других случаях эпитафия становится не основой для названия стихотворения или раздела книги, но задает контекст восприятия: так, в “Stephanos” раздел «Современность» предваряется знаменитой цитатой из Тютчева «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые» [1, с. 117], что указывает на политический и гражданский контекст восприятия стихотворений: Брюсов помещает в этой части книги стихи «на злобу дня», посвященные его гражданской и политической позиции.

Вектор восприятия стихотворения, задаваемый эпитафией, может совмещаться с прямым цитированием словосочетания из эпитафии. Так, в «Зеркале теней» напечатано стихотворение «Радостный миг» с эпитафией из Фета «... тот радостный миг, / Как тебя умолил я, несчастный палач!» [3, с. 19]. Название представляет собой цитату и одновременно отсылку к реалиям жизни А. А. Фета. Текст Брюсова посвящен эмоциям лирического героя после первой брачной ночи: это монолог счастливого мужчины, глядящего на измученную женщину, которая снимает венчальное кольцо. В конце лирический герой задается вопросом: «Не понял я: печати слез иль ласки / Вкруг глаз ее два сумрачных кольца?» [Там же, с. 20]. Стихотворение Фета, откуда взят эпитафия, по мнению исследователей [12], посвящено памяти Марии Лазич, в которую поэт был страстно влюблен, но не женился на ней. Мария трагически погибла, сторела заживо, и Фет всю жизнь обращался к ее образу в своих стихотворениях. Брюсов, взяв строки из Фета, разворачивает совершенно противоположную картину: героиня его стихотворения замужем, однако девушка все равно измучена и плачет. Тем самым Брюсов указывает на альтернативный вариант развития истории любви: даже заключенный брак не гарантирует совместного счастья.

Тексты эпитафий в сборниках “Stephanos” и «Зеркало теней», таким образом, выступают в качестве полемического инструмента, причем важен как подбор авторов, к которым обращается Брюсов в поисках эпитафии, так и контекст самого произведения, являющегося источником. Эпитафии вступают в тесное взаимодействие с другими элементами

рамы текста: заглавиями, примечаниями, и даже анонсами, публикуемыми издательством. Рамочный текст становится инструментом выявления двоимирия, которое Брюсов и его последователи считали ключевой особенностью художественного мира символизма.

Список литературы

1. Брюсов В. Я. Στέφανος. Москва: Скорпион, 1906. 190 с.
2. Брюсов В. Я. Далекие и близкие. Москва: Скорпион, 1912. 214 с.
3. Брюсов В. Я. Зеркало теней. Москва: Скорпион, 1912. 240 с.
4. Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. Т. III. Кн. 2. С. 465–549.
5. Гумилев Н. С. Жемчуга. Москва: Скорпион, 1910. 180 с.
6. Иванов Вяч. Борозды и межи. Москва: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 351 с.
7. Кихней Л. Г., Ламзина А. В. Специфика «рамочного текста» в книгах М. А. Зенкевича «Дикая порфира» и «Под мясной багряницей» // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 112–124.
8. Ларина Н. А. Моделирование мира в прозе символистов: переосмысление реальных событий («Огненный ангел» Валерия Брюсова) // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 248–257.
9. Максимов Д. Е. Поэтическое творчество Валерия Брюсова // Валерий Брюсов. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1961. С. 5–69.
10. Медведев С. Каролина Павлова. Памятник неизвестному соловью [Электронный ресурс] // Prosodia. URL: <https://prosodia.ru/catalog/stikhotvorenie-dnya/karolina-pavlova-pamyatnik-neizvestnomu-solovyu/> (дата обращения: 02.08.2022).
11. Поэтика заглавия / сост. А. Н. Андреева, Г. В. Иванченко, Ю. Б. Орлицкий. Москва; Тверь: Лилия Принт, 2005. 336 с.
12. Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. Москва: Издательство Московского университета, 2010. 240 с.

TEXT FRAME AS A WAY OF CONNECTING TO THE TRADITION IN VALERY BRYUSOV'S LYRICAL COLLECTIONS "STEPHANOS" AND "ZERKALO TENEI" ("SHADOW MIRROR")

A. V. Lamzina

Moscow Institute of Physics and Technology
(National Research University), Dolgoprudny

The article is devoted to the frame text of the collections of poems by V. Ya. Bryusov "Stephanos" and "Zerkalo tenei" ("Shadow Mirror"). Dedications, titles

of poems and cycles, epigraphs and author's notes to the text form a single system of reference to tradition, which is fundamentally important for the author of the collection. Frame elements allow the works to be entered into a broader context of Russian and world classics and become an indication of the "starting points" of Russian symbolism.

Keywords: *text frame, Valery Bryusov, epigraph, title, dedication, note.*

Об авторе:

ЛАМЗИНА Анна Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского физико-технического института (национальный исследовательский университет) (141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9), e-mail: alamzina@mail.ru.

About the author:

LAMZINA Anna Vladislavovna – Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Russia (141701, Moscow reg., Dolgoprudny, Institutsky lane, 9), e-mail: alamzina@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2022 г.

Дата подписания в печать: 02.09.2022 г.